

Юрий БОРКО

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ: 1990-е ГОДЫ

Когда Виктор Иванович Мироненко предложил мне поделиться с читателями нашего журнала воспоминаниями о моей жизни в Институте Европы, я, перебирая в памяти то, что в ней запечатлелось, вдруг обнаружил, что лучше всего запомнил первые 10–12 лет моей жизни в институте, то есть 1990-е годы. Почему? Может быть, потому, что для меня всё было внове – новый директор, новый коллектив, новый климат человеческих отношений, новые задачи, которые мне предстояло решать. Может, и потому, что это был период моего наиболее интенсивного участия в жизни и деятельности института. А ещё и потому, что это был период становления Института Европы. Начав в 1989 г. с нуля, его коллектив, во главе с Виталием Владимировиче Журкиным, к концу 1990-х сделал институт головным российским центром изучения всего спектра проблем современной Европы. Конечно, мой рассказ и мои суждения субъективны, и кому-то из “старожиллов” 1990-е помнятся иначе.

Желание перейти в Институт Европы у меня возникло, как только я узнал о его создании. Было это в 1988 г. Я уже четверть века занимался исследованием проблем европейской интеграции, и лучшего места, чем новый институт, для продолжения этой работы, на мой взгляд, не было. Более того, у меня к этому времени возникло желание покинуть ИНИОН. Отдел капиталистических стран Европы, США и Канады, который я начал создавать с нуля в начале 70-х годов, за 20 лет вырос в одно из крупнейших научно-информационных подразделений Института – полсотни сотрудников и прикрепленных аспирантов. Они выдавали такой объём научной информации, что почти всё моё время уходило на её чтение и редактирование. Для собственной научной работы его почти не оставалось. Были и другие причины, на которых я задерживаться не буду.

В общем, к середине 1989 г. я пришёл к выводу, что пора уходить, и лучше всего – в Институт Европы. Загвоздка была лишь в том, что меня туда никто не звал. А проявлять инициативу, “напрашиваться” я не хотел. Не знаю, как долго длились бы мои раздумья, но в один прекрасный летний день зазвонил телефон, и в трубке раздался голос: “Юрий Антонович, здравствуйте, это говорит Сергей Караганов. Я хотел бы встретиться с Вами по серьёзному делу”. Мы познакомились ещё в ту пору, когда он работал в Институте США и Канады и готовил для нашего отдела в ИНИОН аналитические обзоры западной литературы по проблемам военно-политической стратегии США и отношениям двух “сверхдержав”. Обзоры, надо сказать, отличные. Сергей Александрович приехал ко мне и передал предложение

© **Борко Юрий Антонович** – д.э.н., профессор, руководитель Центра европейской документации/информационного центра ЕС ИЕ РАН. **Адрес:** 125009, Москва, Моховая ул., 11/3. **E-mail:** yborko@mail.ru

Виталия Владимировича Журкина перейти на работу в Институт Европы. Разговор был непродолжительным: я тут же согласился, оговорившись, что мне потребуется полгода для завершения всех дел в ИНИОН.

В начале осени я отбыл в Западную Европу, вернулся в конце ноября и позвонил Виталию Владимировичу. Мы договорились о встрече, я приехал в назначенный день и час, но встретил меня его заместитель Владимир Никитович Шенаев, с которым мы были знакомы с 60-х годов, когда работали в ИМЭМО. Он сказал, что позвонил Журкин, извинился, что опаздывает, и просит меня дождаться его. Я охнул: директор и академик извиняется! Вскоре он появился, пригласил меня к себе и задал главный вопрос, что-то вроде: “ну, как, будем работать вместе”? И всё это – заданный в такой свободной форме вопрос, его светлая расстёгнутая куртка и естественная, доброжелательная манера поведения – было для меня в новинку и очень понравилось. Так что на вопрос Виталия Владимировича я ответил незамедлительным “да”, и 2 января 1990 г. появился приказ о моём зачислении в Институт Европы в качестве исполняющего обязанности главного научного сотрудника.

Первый год работы в Институте остался в памяти мозаикой эпизодов и ярких положительных впечатлений. А самым сильным из них был сам Виталий Владимирович. Особенно запомнился мне разговор с ним, который, как я опасался, мог завершиться моим уходом из института. У этого разговора была предыстория. Осенью 1989 г. решил выйти из партии, но остался в ней по призыву Станислава Шаталина, одного из лидеров внутрипартийной оппозиции, намеревавшейся преобразовать КПСС в партию социал-демократического образца. Он призвал сторонников оппозиции поддержать реформистов на предстоящем XXVIII съезде партии. Съезд проходил со 2-го по 13-е июля. Я находился в городе Штутгарте, внимательно следил за его ходом, к концу понял, что партия осталась на прежней идеологической позиции, и мне пора выходить из неё. Билет на рейс Франкфурт-на-Майне – Москва был заказан на 14 июля, я занял своё место в самолёте, взял свежую газету “Правда”, обнаружил в ней список нового состава членов ЦК КПСС и, дойдя до буквы “Ж”, впал в ступор. Там значилось: Журкин Виталий Владимирович. Менять своего решения я не хотел, но так как это могло быть для него нежелательным, я был готов написать заявление об уходе из института по личным мотивам. С этим я и пришёл к Виталию Владимировичу сразу же по приезду в Москву. Я был готов к любому ответу, но только не к тому, что услышал. “Юрий Антонович, – сказал он, – я пригласил Вас в институт не как члена КПСС, а как специалиста по проблемам европейской интеграции. Выйдете ли Вы из партии или останетесь в ней – это Ваше личное дело, хотя я посоветовал бы Вам ещё раз обдумать своё решение. Но, так или иначе, продолжайте работать”. Не могу даже сказать, что поразило меня больше – содержание ответа или то, что Виталий Владимирович ответил мгновенно. Мне по-новому открылся масштаб его личности. Потом это впечатление подтверждалось не раз, и я горжусь тем, что мне довелось работать и общаться с Виталием Владимировичем в течение стольких лет. А из КПСС я вышел через две недели.

Первые два года моей жизни в институте были временем знакомства с новым коллективом, с правилами, служебными и человеческими отношениями, которые отчасти сложились и, вместе с тем, продолжали формироваться уже при мне. Те, кого я знал до прихода в институт, были наперечёт. В. Н. Шенаева и С.А. Караганова я уже упоминал. С Виталием Владимировичем я не раз встречался, участвуя в конференциях, проходивших в Институте США и Канады, где он работал заместителем директора, и, вполне вероятно, на конференциях в ИМЭМО, где можно было

встретить всех учёных-международников. Но знакомство было, как говорится, шапочным. Ещё о двух знакомых сотрудниках института я расскажу позже, а с остальными предстояло познакомиться.

Одно из моих первых впечатлений – молодость научного коллектива. Он был небольшой, примерно 30 человек (без административно-хозяйственных подразделений). Мои сверстники были наперечёт, шестеро или семеро, а остальным – от 26-28 лет до сорока с небольшим. Энергии было – хоть отбавляй, и молодёжь мужского пола в паузах между трудами научными с удовольствием играла в мини-футбол или соревновалась в умении владеть баскетбольным мячом в спортзале, оставшемся в наследство от бывших хозяев. Из сотрудников, кто постарше, назову Владислава Белова, Дмитрия Данилова, Ольгу Буторину, Андрея Цимайло, Вадима Циренщикова; из тех, кто помоложе, – Павла Баева, Михаила Барина, Аркадия Мошеса, Сергея Медведева, Кирилла Вяткина. С Андреем Цимайло, возглавлявшим Отдел экономической интеграции, у меня сразу установились тесные контакты. Он был очень талантливым исследователем, заканчивал подготовку докторской диссертации по экономике и защитил её в 1992 г., в 32 года! К сожалению, судьба его сложилась трагически. В том же году он перешёл в “Мост-банк” и стал вскоре одним из его руководителей. Когда банк попал в опалу, он, находясь по служебным делам в Лондоне, там и остался. А в 2002 г. скоропостижно скончался, на 43-ем году жизни. Влад Белов и Дима Данилов были кандидатами экономических наук и уже тогда входили в ядро научного коллектива, первый из них вскоре стал руководителем Центра германских исследований, второй – заведующим Отделом европейской безопасности.

Об Аркадии Мошесе, Сергее Медведеве и Михаиле Барине я хочу рассказать особо – так, как они запомнились мне в памятные августовские дни 1991-го. 20 августа, на второй день после создания ГКЧП, я вернулся из Петрозаводска в Москву и тут же отправился в Институт. Моховая улица, Манежная площадь и улица Горького (ныне Тверская) были заполнены танками и грузовиками. В кузовах сидели солдаты. Институт был почти пуст, только Виталий Владимирович и несколько сотрудников из аппарата дирекции и хозяйственной части. Заглянув к директору, я узнал от него некоторые подробности путча и возникшей обстановки в Москве. По его словам, в структурах власти и политических кругах царил сумятица, произошёл раскол, и каков будет исход событий, пока неясно. Когда я вышел от Журкина, мне встретились Аркадий, Михаил и Сергей. Оказывается, они распространяли среди солдат текст указа Бориса Ельцина. Аркадия даже арестовали, но вскоре отпустили под честное слово, что он не будет заниматься агитацией против новой власти. Они тут же вернулись в институт, отпечатали новую кипу листовок и вновь отправились раздавать их солдатам. Их судьба сложилась по-разному. Аркадий стал известным учёным-международником и в 2006 г. был приглашён в финский Институт международных отношений (Хельсинки), где и работает в настоящее время. О Мише и Сергее я скажу позже.

Из первых институтских мероприятий, в которых я принял участие в 1990–1991 гг. запомнились два заседания. В них участвовало от 20 до 30 человек. На одном с докладом о европейской безопасности в контексте кардинальных перемен в сфере международных отношений выступал Сергей Караганов. Докладчика на втором заседании, посвящённом экономическому положению в Западной Европе, я не помню, но, скорее всего, был кто-то из ведущих экономистов – В.Н. Шенаев, В.М. Кудров или Б.М. Пичугин. Содержание докладов и их обсуждение за давностью лет

забылось, но я хорошо помню, как вёл заседания Виталий Владимирович. Он не вмешивался в ход дискуссии, не прерывал выступления репликами и не комментировал их по ходу; слушал внимательно, делал какие-то записи, а в конце – кратко и чётко суммировал её итоги, то есть, по сути, давал оценку ситуации в той области, которая была предметом обсуждения.

С В.М. Кудровым и Б.М. Пичугиным я был знаком давно. Оба были опытными специалистами, докторами экономических наук. Валентин Михайлович, как и я, работал в 1960-е годы в ИМЭМО, и у нас сложились дружеские отношения. Он тогда опубликовал интереснейшую монографию. Это был первый в послевоенной советской экономической литературе опыт сравнительного анализа специфики и уровня развития экономики шести ведущих капиталистических стран. В ней был систематизирован и представлен в виде таблиц и графиков огромный массив экономической статистики, по сути, опровергавшей концепцию непрерывно углубляющегося общего кризиса капитализма. Шума книга вызвала много, но обошлось.

Встреча с Борисом Михайловичем Пичугиным была неожиданной и дружелюбной, несмотря на то, что при первом нашем знакомстве оказались, как говорится, по разные стороны баррикады. В 1970 г. дирекция ИМЭМО организовала закрытое заседание с целью обсудить, возможна ли альтернатива политике непризнания ЕЭС, которой следовало советское руководство. В обсуждении участвовали представители трёх министерств – иностранных дел, внешней торговли и обороны. Учёные отмечали, что интеграция стала реальностью в Европе, и установление официальных отношений с ЕЭС может быть использовано в экономических и политических интересах СССР. Но эта точка зрения была отвергнута представителями всех трёх министерств, утверждавшими, что признание фактически поощряло бы курс Запада на создание антисоветских альянсов и сужало бы возможности использования межимпериалистических противоречий. Министерство внешней торговли считало, что признание ЕЭС обесценит традиционную тактику игры на экономических противоречиях между странами Запада, рассчитанную на заключение как можно более выгодных торговых контрактов и получение как можно более дешёвых кредитов. Именно эту позицию отстаивал Пичугин, выступавший от имени министерства, а я был одним из его оппонентов. Но в нашем споре мы не перешли границы и мирно попросились.

В Институт Европы Кудров и Пичугин пришли в 1989 г. и заняли в нём видное положение. Валентин Михайлович возглавил Центр сравнительных исследований мировой экономики. Борис Михайлович был главным научным сотрудником Отдела общеевропейских проблем. Оба участвовали во всех важнейших научных мероприятиях института, были авторами работ, изданных в серии “Доклады Института Европы”. Оба выступали в качестве авторов/соавторов аналитических докладов высшему руководству страны. О Борисе Михайловиче, скончавшемся в 1997 г., в возрасте 75 лет, у меня сохранились самые светлые воспоминания. Мы постоянно общались и сблизились на почве общего научного интереса – анализа экономических отношений СССР/России с Евросоюзом. В нём органично сочетались два качества – высочайший профессионализм и человеческое обаяние. Как исследователя его отличала скрупулёзная точность в отборе и изложении фактов, прежде всего, статистики, объективность их анализа и обоснованность выводов. Это позволило ему скорректировать и даже пересмотреть некоторые взгляды и оценки, сложившиеся в те времена, когда он работал в министерстве, а затем в экономических организациях ООН. В общении с коллегами Борис Михайлович был сдержан, коррек-

тен и доброжелателен, с молодыми сотрудникам был внимателен и всегда готов ответить на их вопросы, дать профессиональный совет.

Неожиданным и приятным открытием была интенсивность международных связей только что возникшего института. Опытные, остепенённые сотрудники часто выезжали за рубеж для участия в конференциях или установления новых научных контактов, мнс-ы и аспиранты – на стажировку. Да и я за год побывал в пяти или шести заграничных командировках – больше, чем за предшествующие 28 лет работы в академических институтах. Особенно запомнилась поездка в Бонн. Я тогда заканчивал пребывание в немецком Институте мира, как вдруг позвонил Виталий Владимирович и спросил, не смогу ли я выступить вместо него на заседании, организованном социал-демократической фракцией Бундестага и посвящённом отношению Советского Союза к европейской интеграции. На следующий день я сидел в экспрессе Штутгарт-Бонн, мчавшийся по левому, низменному берегу Рейна, любуясь его стремительным течением с бурлящими перекатами и гористым правым берегом с его лесами и старыми замками. Тема была хорошо знакома мне. А начал я с того, что у нас сейчас существуют и открыто излагаются разные точки зрения, и что я принадлежу к той группе советских учёных, которые уже давно воспринимают европейскую интеграцию как объективный процесс формирования единого европейского экономического пространства со всеми его плюсами и минусами. Судя по вопросам и реакциям слушателей, мой рассказ о новых тенденциях в советской общественной науке оказался для них неожиданным и был воспринят позитивно.

В 1992 г. условия деятельности Института Европы коренным образом изменились. Вместо Советского Союза – постсоветская Россия и СНГ; вместо социалистической, директивной и огосударствлённой экономики – начавшийся переход к рыночной экономике и свобода частной собственности; вместо монополии КПСС на власть и управление – многопартийная система и конкурентные выборы в национальные и местные представительные органы. Резко сократился бюджет института, а взбесившаяся инфляция – более 2000% в 1992 г. – снизила до нищенского уровня зарплату научных сотрудников. Некоторые покинули институт. Павел Баев в 1992 г. был приглашен стажироваться в норвежский Институт мира (Осло), затем был зачислен в его штат и принял норвежское гражданство. Он недавно приезжал в Москву, и мы были рады встрече.

В общем, потери в научном коллективе были небольшие. И здесь самое время сказать о кадровой политике, которую проводило в 90-е годы руководство института, в первую очередь, Виталий Владимирович. Научный коллектив пополнили крупнейшие специалисты, входившие в элиту отечественного обществоведения: в 1991-м – Николай Александрович Ковальский, в 1992-м – Николай Петрович Шмелёв и Дмитрий Ефимович Фурман, в 1994-м – Игорь Фёдорович Максимычев, в 1996-м – Анатолий Андреевич Красиков, в 1997-м – Юрий Ильич Рубинский. Каждый из них своим приходом расширял сферу научных исследований в институте, открывая в них новые направления и обогащая их методикой. Пришли и более молодые, но уже опытные исследователи, кандидаты наук – Елена Викторовна Водопьянова, Ольга Юрьевна Потемкина и другие. Была значительно расширена аспирантура.

Расскажу немного о некоторых “маститых”, с которыми сотрудничал или просто общался чаще, чем с другими. Николай Шмелёв был, кажется, единственным научным сотрудником, который не входил ни в какие подразделения, никем не руководил и никому не подчинялся, свои научные планы согласовывал с Виталием

Владимировичем. В центре его внимания была экономика России в период перехода к рынку. В 1996 г. вышла его монография “Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ”. Храню его дарственный экземпляр с надписью в свойственной ему свободной манере: “Юрию Антоновичу Борко, другу, единомышленнику, партнёру, собеседнику, собутыльнику и пр. с многодесятилетними симпатиями”. Содержание книги видно из её названия. Шмелёв проанализировал и критично оценил как экономическую политику в период Перестройки, определив его как “годы упущенных возможностей”, так и радикальные, “без наркоза”, реформы Егора Гайдара и его команды. В последнем разделе он изложил своё видение будущих российских реформ. Они остались на бумаге. Россия пошла по иному пути, и это было главной причиной его переживаний и пессимизма в отношении её перспектив. Что касается европейской проблематики, главной сферы научной жизни института, то Шмелёв включился в неё сразу – как член Ученого совета, участник научных конференций, подготовки аналитических докладов и т.д. Его выступления, помимо их конкретного содержания, выделялись и особой, “шмелёвской” манерой изложения своих суждений. Я назвал бы её – “размышления вслух”, неторопливые и ненавязчивые, с подтекстом, в котором звучало: можете соглашаться или нет, но задумайтесь над тем, что я сказал. Этот доверительный тон, взывающий к логике здравого смысла, производил впечатление на аудиторию, особенно на тех, кто слушал его впервые.

Приход Юрия Рубинского в институт стал для меня праздником. Мы были знакомы с 60-х годов, когда работали в ИМЭМО, и уже тогда прониклись взаимной симпатией. Вскоре он уехал сотрудником советского посольства во Франции. В 1985 г., приехав в Париж, я встретился с ним, и он в одно из воскресений устроил мне экскурсию по прекрасному городу, который он знал, вероятно, лучше, чем подавляющее большинство парижан. После многолетней дипломатической службы он вернулся в науку, обладая огромными знаниями в области международных отношений. Как учёный Рубинский наделён двумя важнейшими качествами – эрудита и аналитика. Он точен, я сказал бы, скрупулёзен в изложении фактов и, как правило, убедителен в их интерпретации. А сверх того, Юрий Ильич – очень дружелюбный и открытый для общения человек. Типичная картина: как только закончилось научное обсуждение, к нему подходит молодой участник с каким-нибудь вопросом, и “мэтр” подробно и увлечённо рассказывает, что он думает по этому поводу. В институте Рубинский создал Центр французских исследований, который стал одним из лучших в России.

С Дмитрием Фурманом – выдающимся российским философом, историком, религиоведом и политологом – я познакомился в 1993-м, когда он пришёл в Институт Европы. Здесь он взялся за абсолютно новую для него тему, создав Центр изучения постсоветского пространства. В 1990-е и первой половине 2000-ных он выпустил серию сборников статей и документов о характере и динамике перемен в новых независимых государствах – Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Молдове, странах Балтии, Украине. В институте он пользовался всеобщим уважением и авторитетом, в основе которого была отчасти его журналистская деятельность и, ещё больше, сама его личность, его интеллект и нравственный облик. Что касается первого, то, на мой взгляд, в течение 20 с лишним лет, начиная с 1991-го, Дмитрий Фурман был одним из самых эрудированных, глубоких и трезво мыслящих отечественных журналистов. В двух сборниках – “Наши десять лет: политический процесс в России с 1991 по 2001 годы” (М.-СПб.: “Летний сад”, 2001) и “Публицистика “нулевых”” (М.: “Летний сад”, 2011) – представлены более 130 статей, опублико-

ванных почти во всех ведущих газетах и России. Он не оставил журналистику и после того как его настигла тяжелейшая болезнь. Даты двух последних статей – 1 марта и 16 мая 2011 г., дата кончины – 22 июля. И есть что-то символичное в том, что первая из них посвящена Михаилу Сергеевичу Горбачеву, а вторая – Андрею Дмитриевичу Сахарову. К обоим Дмитрий Фурман относился с глубочайшим уважением. А если говорить о его личных качествах, упомянутых выше, я не могу подтвердить их примерами – как он поступил в какой-то ситуации и что сказал по какому-то поводу. Всё это было давно. Но, вот, есть в музыке понятие “абсолютный слух”. Дмитрий Ефимович обладал абсолютным слухом в понимании конкретных событий и общих процессов в общественно-политической жизни, в оценке поступков крупных политических деятелей и обычных людей.

Но вернёмся к началу 90-х годов. Несмотря на все трудности, институт наращивал научную деятельность. В марте 1992 г. был организован симпозиум “Опыт Европейских сообществ и возможности его использования Россией и Содружеством независимых государств”. В нём участвовали более 70 человек – из нашего института В.В. Журкин, Ю.А. Борко, Н.А. Ковальский, Б.М. Пичугин, А.В. Цимайло, большая группа учёных из ИМЭМО, других академических институтов, из МГИМО и МГУ, зарубежные учёные. С одним из докладов выступил глава Представительства Комиссии Европейских сообществ, проф. Майкл Эмерсон. Запомнился его трезвый и критический взгляд на возможности применения опыта ЕЭС: слишком разные условия, разная предыстория, разный баланс сил в ЕЭС и СНГ. Это было для некоторых российских участников симпозиума, как ушат холодной воды. В 1993 г. вышла в свет первая институтская монография “Безопасность будущей Европы”. Её тематика выходила далеко за рамки названия. В ней были проанализированы экономические, социальные, внутри- и внешнеполитические проблемы Европы, отношения Европа-США, Европа-Россия, Европа-Третий мир. В числе авторов были М.В. Баринов, Ю.А. Борко, Д.А. Данилов, П.Е. Кандель, В.М. Кудров, С.А. Медведев, М.А. Неймарк, Б.М. Пичугин, П.Т. Подлесный, А.В. Цимайло. Возглавлял авторский коллектив С.А. Караганов. В 2003 г. вышли первые выпуски в серии “Доклады Института Европы”: №1 – “Маастрихтский договор: трудности ратификации, поиски решений, перспективы” (Ю.А. Борко – руководитель, М.В. Баринов, И.М. Бусыгина, О.В. Буторина, В.В. Тяжелова), № 2 - материалы упомянутого симпозиума – о возможностях применения опыта европейской интеграции в России и СНГ.

Важнейшее место в работе института заняли внутренние проблемы постсоветской России. В 1992 г. на заседаниях Учёного совета развернулись острые дискуссии по поводу содержания и методов экономической реформы, инициированной Егором Гайдаром, и её социальных последствий. Мне запомнились жаркие споры между В. Шенаевым, с одной стороны, В. Кудровым и мной – с другой. Шенаев, поддерживая курс на переход к рыночной экономике, резко критиковал избранный Гайдаром вариант реформы; мы с Кудровым оказались единомышленниками и, соглашаясь с некоторыми его критическими замечаниями, в целом защищали экономическую политику Гайдара. Споры продолжались и после того, как правительство возглавил В.С. Черномырдин.

В этой связи уместно напомнить, что в новых условиях многопартийной системы и идейного плюрализма перед институтом встала задача, которая никогда не возникала в советские времена, а именно: как должно позиционировать себя научное учреждение, работающее в области общественных наук? Позиция, которую сформулировал и твёрдо проводил в жизнь В. Журкин, состояла в том, что Инсти-

тут Европы занимается научными исследованиями в пределах своей компетенции, дистанцируясь и от политических партий, независимо от того, находятся ли у власти или в оппозиции, и от официальной позиции правительства. Разумеется, запросы руководства страны и государственных ведомств рассматривались дирекцией как приоритетные, но перед сотрудниками, участвовавшими в подготовке аналитических докладов или справок, ставилась задача объективного анализа заказанной темы исследования. Из тех материалов, в подготовке которых я участвовал, мне запомнился доклад “Помощь Западу России” (1994 г.), с характеристикой и оценкой её содержания, масштабов и эффективности. Он был переведён на английский язык и издан под названием “Whither Western Aid to Russia”. В его подготовке, наряду со мной, участвовали С.А. Караганов (руководитель), В.Б. Белов, И.М. Бусыгина, В.М. Кудров, А.Б. Луковенко, Б.М. Пичугин и Н.П. Шмелёв.

Как ни странно, но мне нечего рассказать о моей работе в качестве заведующего отделом, руководить которым я был назначен в апреле 1991 г. Не помню ни его названия, ни его состава. Единственное, что могу поставить себе в заслугу – приход в институт кандидата исторических наук, опытного специалиста по Югославии и возникшим после её распада государствам Павла Ефимовича Канделя, который до этого работал в Институте международных экономических и политических исследований. Впрочем, руководил я этим отделом недолго. Так случилось, что в 1992 г. начался новый период не только в деятельности всего института, но и моей жизни в нём. В октябре, после ухода Андрея Цимайло, я был избран заведовать Отделом европейской интеграции, а незадолго до этого на учредительной конференции Ассоциации европейских исследований (АЕВИС-Россия) был избран её президентом. Наконец, тогда же в институте, с согласия и при поддержке Еврокомиссии, был создан первый в России Центр документации ЕС (ЦДЕС), руководить которым было поручено мне. Интенсивность моей работы резко возросла. Изменилось и моё положение в институте. Виталий Владимирович в своём очерке об истории института упомянул, что я сразу же по приходе включился в обсуждение стратегии его развития. Вероятно, так оно и было. Но субъективно, впервые я почувствовал и уверился в том, что вхожу в “мозговой центр” института, именно в этом году.

Меньше всего времени у меня занимало руководство Центром. В нем работали два научных сотрудника – Ксения Юрьевна Шарапова и Валентина Васильевна Тяжелова. Они пришли из ИНИОН, где почти 20 лет работали в отделе капиталистических стран Европы, США и Канады. В ЦДЕС они очень быстро создали систему библиографической информации, обрабатывая и классифицируя поток документов и справочных изданий, непрерывно поступающих из ЕС в печатном и электронном виде. ЦДЕС функционировал и как библиотека, доступная не только сотрудникам института, но и любому посетителю, заинтересованному в информации, которой располагал Центр. С 1995 г., когда АЕВИС и Институт Европы приступили к выпуску бюллетеня “Европейский союз: аргументы и факты”, на долю К.Ю. Шараповой и В.В. Тяжеловой выпало также его литературное и техническое редактирование.

Сейчас уже трудно припомнить, как распределялись мои усилия между двумя главными сферами моей работы – отделом европейской интеграции и АЕВИС. Но по времени первое место занимал всё-таки отдел. Количественно он был небольшим: пять научных сотрудников и два лаборанта. Научным ядром отдела (и его украшением!) были два к.э.н. Ирина Михайловна Бусыгина и Ольга Витальевна Буторина – талантливые “трудоголики”, энергичные и честолюбивые.

Что касается Ольги Буториной, то у нас очень быстро установились отношения взаимного доверия и взаимопонимания. Наверное, поэтому и запомнились два разговора с ней. При первой же нашей встрече после моего назначения она спросила, в чем будет заключаться её работа. Я знал, что Буторина пишет монографию по теме диссертации – об экономике Испании, и спросил, сколько нужно времени, чтобы закончить её. Она ответила, что примерно год. “Это и будет Вашим заданием на год”, – сказал я. “Но это моя личная работа, – сказала Ольга. – А что я должна делать в отделе?” Вопрос был понятен, потому что до прихода в институт она работала во внешнеэкономической организации, где наука была личным делом сотрудника, чем-то вроде “хобби”. “Ольга Витальевна, – сказал я, – Вы состоите как признанный учёный только после того как опубликуете монографию, и это важно не только для Вас, но и для отдела”. Спустя год, когда она отдала рукопись книги в издательство, состоялся наш второй разговор – о выборе темы исследований по проблематике экономической интеграции в Западной Европе. В итоге, мы остановились на теме строительства экономического и валютного союза (ЭВС) и будущей коллективной валюты. Тема была новаторской и перспективной, так как в только что вступившем в силу договоре о Европейском Союзе создание ЭВС было объявлено главной целью нового этапа его развития. Первые статьи О.В. Буториной по этой теме появились уже в середине 1990-х, а в 2002 г. она защитила докторскую диссертацию “Экономический и валютный союз. Международный аспект”. За это же время она прошла путь от с.н.с. до руководителя Сектором экономической интеграции и несколько месяцев замещала меня в должности зав. отделом, пока я проходил длительный курс лечения от рака. Я надеялся на то, что Ольга Витальевна станет моей преемницей, но в 2003 г. она, в силу личных причин, перешла в МГИМО и вернулась в Институт Европы в 2012 г., став вскоре одним из заместителей директора.

Столь же успешной была научная карьера Ирины Марковны Бусыгиной. В 2002 г. она защитила кандидатскую диссертацию “Региональная политика Европейского Союза”, определившую её научную специализацию. В 2004 г. возглавила Сектор региональных и социальных проблем и опубликовала в 1990-е годы целый ряд статей. Мы плодотворно сотрудничали как в отделе, так и в АЕВИС, где она входила в состав правления и не раз участвовала в конференциях, организованных совместно с региональными отделениями. В 1999 г. И.М. Бусыгина перешла в МГИМО, защитила в 2002 г. диссертацию, получив степень доктора политических наук, и ныне возглавляет там Центр региональных политических исследований.

Бесспорно, талантливым исследователем был Михаил Баринов. В упомянутой выше первой институтской монографии ему принадлежит глава “Социальное будущее Западной Европы”. Участвовал он и в подготовке аналитических докладов, направляемых в государственные органы. Он обладал также организаторским талантом и сыграл главную роль в подготовке документов, необходимых для официальной регистрации АЕВИС. К сожалению, в 1999 г. он ушёл из института из-за трудных материальных обстоятельств и занялся предпринимательством. Ещё один научный сотрудник, Игорь Бороздин, благодаря своей памяти был просто кладом фактов. Он, как никто, донимал докладчиков дотошными вопросами и уличал их в неточностях. Но с систематизацией фактов дело у него обстояло хуже, и править его тексты приходилось постоянно. В 1999 г. мы с ним расстались.

В отдел за эти годы пришли новые сотрудники: в 1993-м – д.э.н. В.Г. Шемятенков, к.и.н. М.В. Каргалова и выпускник исторического факультета МГУ А.И. Тэвдой-Бурмули, в 1994-м – к.и.н. О.Ю. Потемкина. Появились аспиранты: Сергей Медведев, Наталья Мирошниченко (ныне Кондратьева), Слава Быховский и Нико-

лай Кавешников. Первым из них в 1995 г. защитил диссертацию на соискание к.и.н. С. Медведев с интереснейшей темой “Европейский проект и европейская политика Папы Римского Иоанна Павла II”. Талантливый молодой учёный с активной жизненной позицией. Но вскоре он получил грант в Финляндии, задержался там на несколько лет и в наш институт уже не вернулся. С Владимиром Георгиевичем я познакомился в 1989-м в Брюсселе, где он находился как глава представительства СССР в Европейском сообществе. Он был приветлив и естествен, никакой дистанции между статусным дипломатом и учёным. К тому же, я не предполагал, что он не только хорошо осведомлен о том, что происходит в Сообществе (он был обязан это знать), но и говорит со мной на одном языке, когда речь идёт об экономической интеграции. Загадка выяснилась после того как я узнал, что он окончил аспирантуру ИМЭМО и защитил две диссертации, кандидатскую и докторскую, по экономике. В Институт Европы он пришел после двухлетней научной и преподавательской работы в Гентском университете. Наше сотрудничество в отделе продолжалось 10 лет, и Шемятенков внёс значительный вклад в его работу. В частности, он активно участвовал в подготовке первой монографии отдела – “XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых государств” (1998), в качестве автора и члена редколлегии, вместе со мной и Журкиным. В 2002 г. В.Г. Шемятенков вышел из состава отдела, возглавив Центр проблем современной Европы, а в 2008 г. покинул наш институт.

В 1990-е годы Отдел подготовил ряд изданий, в которых тогда остро нуждались многочисленные государственные органы, субъекты внешнеторговых отношений, ученые и вузовские преподаватели. Были изданы два тома переведенных на русский язык базовых договоров ЕС с 1951 по 1992 гг., и том документов, касающихся отношений между ЕС и СССР. В 1996 г. по инициативе О.В. Буториной издали справочник “Европейский Союз”, содержащий всестороннюю информацию о его истории, институтах и процедурах принятия решений, направлениях деятельности, отношениях с главными партнёрами в мире и т.д. Всё это издали тиражом в 2 000 экземпляров. В 2001 г. отдел выпустил в свет ещё одну монографию – “Европейский Союз на пороге XXI века” (М.: УРСС, 2001). В авторский коллектив входили семь сотрудников нашего отдела: В. Шемятенков, А. Тэвдой-Бурмули, О. Буторина, И. Бусыгина, О. Потемкина, Ю. Борко, С. Быховский, ещё два сотрудника института – Д. Данилов и Н. Ковальский, а также несколько сотрудников ИМЭМО и Института Латинской Америки. Исключительную роль в подготовке книги сыграла Ольга Витальевна. Мы с ней придумали название книги и разработали её структуру, ей принадлежит макет обложки. На неё легла большая часть практической работы, в том числе общение с авторами в процессе редактирования их текстов. Она и сама входила в авторский коллектив, книга вышла под нашей совместной редакцией.

Моя деятельность как руководителя АЕВИС – история отдельная, и я затрону её лишь в той небольшой части, которая как-то связана с институтом и его сотрудниками. Начну с того, что, вернувшись из очередной поездки в Брюссель, я рассказал Виталию Владимировичу о моих встречах с руководителем сектора науки одного из директоратов Еврокомиссии Жаклин Ластенуз. Она была инициатором создания сети национальных ассоциаций исследования европейской интеграции (National Associations of the European Common Market Studies – ECSA-Europe), а затем и всемирного объединения ассоциаций (ECSA-World). Тогда-то она и сказала мне, что в Еврокомиссии приветствовали бы создание ассоциации и в России. Журкин решительно поддержал эту идею, сказав, что Институт заинтересован в этом и мог бы стать центром и опорой ассоциации. Дальнейшее было делом техники.

В начале 1992 г. в нашем институте состоялась конференция с участием представителей 10 российских университетов, от Санкт-Петербурга до Томска, которая учредила Ассоциацию европейских исследований со статутом межрегионального научного объединения. Я был избран её президентом, а В.В. Журкин – председателем правления. В нашем институте, как правило, проходили ежегодные заседания правления. Наши сотрудники систематически участвовали в организации научных конференций по европейской, в том числе интеграционной, проблематике в российских университетах, выезжали читать краткосрочные курсы лекций, выступали с лекциями в летних и зимних Еврошколах. Активно участвовали в этой деятельности О.В. Буторина, И.М. Бусыгина, О.Ю. Потемкина, М.В. Каргалова и другие, а во второй половине 1990-х и наши молодые сотрудники – С. Быховский, Н. Кавешников, Н. Кондратьева, С. Тэвдой-Бурмули. И по своему статусу, и по стажу научной работы я участвовал в этих мероприятиях наиболее интенсивно. Каждый год читал в одном или двух университетах, где были созданы региональные отделения АЕВИС, курсы лекций по истории европейской интеграции, теориям интеграции и отношениям Россия-ЕС. К началу 2000-ных АЕВИС объединяла более 20 региональных отделений, в некоторых из них сложились коллективы учёных и преподавателей, изучавших процессы европейской интеграции, политические системы и межгосударственные отношения в Европе и т.д., а также читавшие лекционные курсы по этой проблематике. И в это большой вклад внесли научные сотрудники нашего института.

В январе 1995 г. у меня появилась ещё одна нагрузка: я был назначен заместителем директора. Мои контакты с Виталием Владимировичем и двумя его “замами” участились. Как правило, это были рабочие встречи вчетвером, чтобы обсудить неотложные дела и принять какие-то решения, выполнение которых распределялось главным образом между “замами”. Раз в год я назначался временно исполняющим обязанности директора с правом подписи финансовых документов, когда Журкин, Караганов и Шенаев одновременно отсутствовали в институте, кто-то – в отпуске, кто-то – в зарубежной командировке или по иным причинам. Но, в общем, я так и не освоился в своём новом статусе и в 1998 г. попросил директора освободить меня от этой обязанности. Просьба моя возникла не случайно. В феврале следующего года мне предстояло отметить 70-летие, и я решил, что мне пора уйти со всех административных постов – “зама”, заведующего отделом и президента АЕВИС. С тем я и пришел к Виталию Владимировичу. Моя просьба была для него полной неожиданностью. Он задумался, а потом спросил меня: “А вы представляете, как воспримут в институте мой приказ об освобождении Вас от всех Ваших обязанностей? Все решат, что я считаю Вашу работу неудовлетворительной или, хуже того, свожу с Вами какие-то счёты. Давайте начнём с чего-нибудь одного”. Мудрый Журкин был прав, и ответил, что начнём с “зама”. В апреле 1998 г. появился приказ о том, что я освобожден от должности заместителя директора Института Европы и назначен заведующим Отделом европейской интеграции.

Эта история имела продолжение. Вскоре после моей отставки ко мне заглянул Шмелёв и сказал, что Виталий Владимирович предложил ему занять освободившуюся вакансию заместителя директора. Николай Петрович был готов принять это предложение, но хотел узнать от меня, сам ли я ушёл или по инициативе Журкина. Я успокоил Николая, пересказав ему мой разговор с директором и пожелав ему успеха в новой должности. Рассказывать о содержании нашей дальнейшей беседы, касавшейся мотивов и намерений Шмелёва, я не буду, а мотивы Виталия Владимировича выяснились через несколько месяцев, когда он ошеломил весь институтский

коллектив, объявив о своём решении уйти в отставку и назначив дату выборов нового директора. Все сожалели об уходе Журкина и были встревожены. Но успокаивало то, что он неизменно повторял, что не намерен уходить из института и, переключившись на свою научную работу, по-прежнему будет активно участвовать в его жизни. Из трёх “замов” Шенаев не мог быть избран на пост директора из-за своего возраста, так что выбирать предстояло между Карагановым и Шмелёвым. Умолчу о кулуарных обсуждениях “плюсов” и “минусов” обоих кандидатов, тем более что за давностью лет я многое позабыл. Выборы состоялись в апреле 1999 г. и прошли спокойно. После того как Журкин открыл расширенное заседание Учёного совета, выступили три или четыре научных сотрудника, в том числе и я, предложившие выбрать директором института Николая Петровича Шмелёва. Других кандидатур не было, и за него проголосовало значительное большинство присутствовавших лиц.

Если бы меня спросили, внесла ли смена директоров существенные перемены в научной деятельности и жизни Института Европы, я ответил бы твёрдым “нет”. Оба, Виталий Владимирович Журкин и Николай Петрович Шмелёв, были людьми одной и той же нравственной формации и единомышленниками в том, что касается выбора наиболее плодотворного для России пути развития, её места в системе международных отношений, а также в понимании смысла и содержания научной деятельности института. Насколько я знаю, они систематически обсуждали текущие дела и перспективные планы его работы, и почетный директор Института Европы активно поддерживал новые инициативы своего преемника.

Так как я предупредил, что ограничусь в своих воспоминаниях 1990-ми годами, то о деятельности и роли Николая Петровича в развитии института я повторяю то, что сказал в очерке, опубликованном в сборнике “Воспоминания о Николае Шмелёве”: “Его главный вклад в развитие и укрепление научного авторитета института состоит, на мой взгляд, в том, что он:

(а) сумел сохранить климат свободомыслия, конструктивных дискуссий, неприятия интриг и склок, сложившийся в институте благодаря усилиям Виталия Владимировича Журкина, поддержанным всем коллективом;

(б) сохранил, по возможности, кадровый состав института, прежде всего ведущих специалистов, и немало поспособствовал пополнению коллектива молодыми учёными, окончившими институтскую аспирантуру или приглашёнными со стороны;

(в) сыграл ведущую роль в создании журнала “Современная Европа”, став его шеф-редактором с первого номера, вышедшего в свет в марте 2000 г.;

(г) был инициатором и председателем редколлегии уникальной серии фундаментальных монографий, посвящённых странам и общим проблемам Европы, под общим названием “Старый Свет – новые времена”.

Последние три года жизни и директорства Николая Шмелёва были невероятно трудными. Он проводил в последний путь жену, с которой он прожил более 40 лет, резко ухудшилось зрение из-за отслоения сетчатки, и возникла угроза полной слепоты, начались сердечные боли и перебои. Он тянул, как мог. Я иногда заходил к нему, не имея никаких дел, а просто выкурить вместе по сигарете, обменяться парой слов, и, порой, было видно, как тяжело ему приходится. Вечером 6 января 2014 г. его сердце не выдержало” (Воспоминания о Николае Шмелёве. Москва – Санкт-Петербург, 2015, с. 31–32).

За минувшие 18 лет, начиная с 1999 г. по настоящее время в Институте Европы изменилось многое. Больше чем наполовину обновился его состав. Пришли два нынешних заместителя директора – Валентин Петрович Федоров (2000) и Михаил Григорьевич Носов (2004). Был и ещё один “зам” – Иван Дмитриевич Иванов, на

мой взгляд, самый сильный экономист-международник и в поздние советские времена, и в постсоветской России. В Институте Европы он пробыл менее двух лет и в 2004 г. уехал в Брюссель, где возглавил Торговое представительство РФ в Евро-союзе. В 2001 г. пришёл и возглавил Центр британских исследований Алексей Анатольевич Громыко. Пришли заведующие отделами Анатолий Иванович Бажан (1999), Владимир Яковлевич Швейцер (2002) и Любовь Николаевна Шишелина (2006), руководители большинства исследовательских центров, среди которых не могу не упомянуть Аллу Алексеевну Язькову (2004), которую мы с глубоким сожалением недавно проводили в последний путь. В 2006 г. в стенах института появился Виктор Иванович Мироненко, через год ставший главным редактором журнала “Современная Европа” и одновременно возглавивший Центр украинских исследований. Пришли и опытейшие учёные, и множество молодых научных сотрудников. Перечислять всё, что было сделано за этот период, не буду, а в целом институт жил и поныне живёт полнокровной жизнью.

И в заключение – коротко об отделе и себе в новом столетии. В 2002 г. моя деятельность и мой привычный образ жизни были прерваны двумя онкологическими операциями, в сентябре – первая, в январе 2003-го – вторая, и затем в течение почти полутора лет я медленно возвращался к нормальному состоянию. От обязанностей руководителя Центра я был освобожден в июле 2002 г. Некоторое время его возглавляла О.В. Буторина, а с 2004г – Ольга Юрьевна Потемкина. Это решение дирекции было логичным. Она осталась единственным сотрудником отдела, входившим в 1992-1994 гг. в его научное ядро. Но решающую роль в её назначении сыграли личные качества Ольги Юрьевны – научная компетенция и организаторские способности. Об её участии в первой отдельческой монографии и в деятельности АЕВИС я уже упоминал. Добавлю, что к концу 1990-х годов она окончательно определила свою научную специализацию и приступила к подготовке докторской диссертации, а в 1999 г. возглавила сектор региональных исследований. В качестве заведующего отделом ей пришлось, по сути, заново укомплектовывать его состав, разрабатывать программу его деятельности и изыскивать средства для финансирования конкретных научных проектов. Ольга Юрьевна справилась со всеми задачами, которые ей пришлось решать. Отдел успешно функционирует и входит в число ведущих подразделений института.

Что касается меня, то, вернувшись в рабочее состояние, я сосредоточился на собственной научной работе. Опубликовал монографию “От европейской идеи – к единой Европе” (2003), подготовил главы для нескольких коллективных монографий в серии “Старый свет – новые времена”, был автором или соавтором нескольких “Докладов Института Европы РАН”, статей в нашем журнале и других периодических изданиях. Участвовал во многих международных и российских конференциях, был и остаюсь ответственным редактором ежеквартального электронного издания “Европейский Союз: факты и комментарии”. Участвую, пусть не так активно, как раньше, в жизни нашего институтского коллектива. И радуюсь тому, что участвую в двух юбилеях – 30-летию Института Европы и 25-летию Ассоциации европейских исследований.

Institute of Europe: the 1990s

Author. Borko Y. Senior researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11/3, Mokhovaya street, Institute of Europe, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** yborko@mail.ru.